

Придешь домой, ненастный, хмурый,
и ну под лампочкой мерцать.
Скрипят земные арматуры,
дрожат тарелок озерца.

А ты стоишь — забытый, трезвый,
не подчиненный никому.
Глядишь, как зеркало надтреснуть
успело за зиму, лишь муть

в нем отражается. Твой голос
засох, как выпечка, застыл.
Здесь шерсть на свитере кололась,
кряхтел под ковриком настил.

Здесь близко все — и, близоруко
не различив прошедший год,
ты обнимаешь сверху внука
и проступаешь сквозь него.

Колобок

Унеси меня, лиса.
Ты не видишь, что ли,
закрывает полюса
от ресничной соли.

Заблудился, занемог
маменькин разведчик.
Преврати меня в замок
на воротах речи.

Где приставок тополя,
где глаголов корень,
где купается земля
в громе колоколен,

всякий светел, всяк спасен,
всякий безупречен.
Унеси меня, лисен.
Мне спастись нечем.

Херсон

Солят рыбу. В воздухе прогревом
тонкая сияет чешуя.
Ловит, ловит паутина веток
солнечную простынь за края.

Мне четыре. Я не знаю способ,
как без боя косточку извлечь.
Катятся цветные абрикосы.
Катятся по небу абрикосы,
успевая пятнами обжечь.

Год стоит на редкость урожайный.
Трут малину, выбирают мед.
Мне четыре. Я узнала тайну.
В том окошке бабушка живет.

Робкая старушка золотая.
«Съешь три ложки, а потом ложись».
Посмотри-ка, вот она моргает.
Посмотри-ка, вот она бежит.

Неужели вы ее не знали?
Кто тогда нам выключает свет?
Кто нашел потерянный сандалик?
Трехколесный дал велосипед?

С Тошиком возиться без опаски
кто позволил?..
Вечер далеко.
Жизнь сошла коричневою краской
по осколкам дедовых очков.

Она произносит: лес.
Сергей Шестаков

Он произносит, и происходит шум.
Цапелка-искра роется в облаках.
Капли туристов перетекают в ГУМ.
Лобного платья вспыхивает рукав.
Он произносит, и наступает жар.

Влажными пальцами не оставляя след,
сны собирает — или приносит в дар
чабер, лаванду, клевер и бересклет.
Он произносит, и вызревает день.
Это ведь просто — дни пришивать ко дням.
Выгладить реку, пересадить сирень,
клипсы акаций в мелкий ручей ронять.
Он понимает, мало в тебе огня.
Ходишь вдоль клетки, разыскиваешь ключи.
Вдруг выдыхаешь: «Отче, помилуй мя»,
но никакого звука не различить.

Доброе ли утро тянется к тебе,
бороду тумана бреет синевой.
Где твоя пустыня, дворник-скарабей?
Солнечная гречка, есть ли кто живой?

— Нету, — отвечают, — ты куда полез,
никакого Нила дальше Люблино.
Смену в «Перекрестке» оттрубил Рамзес.
Тихие соседи, тихая война.

Никого под солнцем, никаких обид.
Захотел в Египет — эвона чего!
Племя фараонов никогда не спит,
ищет у вагона вырез ножевой.

Электричка-мама, тепловоз-отец.
Тяжело вагону египтян вмещать.
Никого на свете, выкуси, малец,
никакого счастья через букву Щ.

Плачет на пригорке мальчик Эхнатон,
дышит производством, копит на Каир.
Как любезны люди, как полезен сон,
Как правдива пресса, как прекрасен мир.

Малина

Малина сейчас хорошая,
говорит.
Ты не стесняйся, детонька,
ешь,
чего там.
Скоро Воронеж?

Пальцы кривит артрит.
Желтый платок сгоняет мушинки пота.
Мне-то хватает.
Смалец, горох, мука.
Сахар на той неделе дала невестка.
Крупные ягоды.
Крупно дрожит рука.
Солнечный кролик пляшет на занавеске.
Помню, Сережка — тот наедался всласть,
Как до малины — в дом его не загонишь.
Главное — не болейте.
И поднялась.
И заблудилась.
И не нашла Воронеж.

Вот так и проплыву тебя во сне,
как вздох над нет, как статую на дне,
как вытертую в табеле отметку.
Звенит крылом комарик-звездочет,
густая кровь сквозь сумерки течет
и капает с небес на табуретку.
Мы никогда не будем — «я проспал!» —
терять такси на аэровокзал
и по-французски спрашивать прохожих.
Мы никогда не будем спать вдвоем.
Глядит лицо на новый водоем,
на хлопок, на синтетику, на кожу.
Не завтракать расплавленной лапшой,
не спрашивать кота, куда он шел,
не радоваться музыке знакомой...
Тебе не слышно, слышно только мне,
как комары целуются в окне,
как жалуется муж на насекомых.

Рыба к рыбе, тело к телу,
подбородок к тишине.
Я иду по лицам прелым,
оборачиваясь не.

Я иду — по серой коже.
Я иду — по белой лжи.
Дождик-ветер, мы похожи,
почему тогда дрожишь?

Почему тогда мигает,
от метро осатанев,
ледяная, злая стая
автопринцев, автодев.

Почему играют губы
мерзлый гимн воротника?
Потому что небу любо.
Потому что нам никак.

Потому что город сделан
из бакланов и болот.
Рыба к рыбе, тело к телу.
Ешь, пока не загниет.

Ущерб для тела душу холодит.
Тепло воркует страх, мастеровит,
хотя куда взлетать ему, лишенцу.
Чужая речь — гипербола, уволь.
Островский ударяется в гиньоль
Петрушкины откидывать коленца.
Состав исчез — ни рельса под строку.
Я не могу, я небоне могу.
И хорошо, и немочь пригодится.
Колечко обещало — все пройдет,
но не проходит, не произойдет,
не прозвенит, не вспыхнет, не родится.

Бабочка

В тайном окне мелькает
комната, где ты ходишь.
Дальняя электричка.
Хор молодых цыган.
В тайном окне спасаем
каждый забытый родич,
каждая истеричка,
каждый слепой экран.

В тайном огне рождались
из черноты камеи,
в тайном окне шептались
с птицами облака.
Ходишь конем ли, пешкой,
а заглянуть не смеешь.
Трешься о занавеску —
а заглянуть никак.

Только отпустишь выдох,
радуга водяная
форточкой как замашет,
в стеклышки завернет.
Ты потерпи/не бойся.
Скоро тебя помянут.
Кожу проткнут булавкой
и поместят под гнет.

30

Разве страшно? Нет, не страшно.
Уплывают дни-мальки.
Вон плывет фрегат бумажный
по окраинам реки.

Белой накипью окутан,
рыжий шлепанец плывет.
Заживет во мне минута,
до секунды заживет.

Все — теченье, все — обмолвка,
Все — ведомая рука.
Облаков седая горка,
пустырей окорока.

Спи, клянись многоэтажно,
проклинай, на чем стоишь.
— Мне не страшно, мне не страшно.
— Что тут страшного, малыш.

Мангуп-Кале

Где стряхивает лес учетчик-воробей,
где мечутся холмы, а под холмами — мамонт,
где уходили сны, где падалось темней,
где спорила роса с тесемками вьетнамок,

где каменным столбом, приклеенным к спине,
проржавленный июнь пытал феоdorитов,
где люди из Москвы, невинные вполне,
дремали на груди невидимых убитых,

где тихий караван небесных верблюжат
соскальзывал во тьму и двигался в потемках,
меня там больше нет. И некому сажать
цветные семена.

Где же все, что мы любили.
Где же все?
Земляника в горьком мыле,
шарф с лосём.

(лОсем, лОсем, так учили
в третьем «Б»).

Кто остался — А. в могиле —
на трубе?

Буквы долго руки мыли,
ка-я-лись.
Не пересеклись прямые —
пресеклись.

Заливало солнце кашу,
жгло сорняк.
А теперь команда наша —
ты да я.

Не кузнечик ждет за печкой —
мертвецы.
Что рассказывал о вечном
Лао-цзы?

Кто там, кто на фотоснимке
в Рождество?
Зайки, клоуны, снежинки. —
Никого.

Слова текут, как очередь в музей.
Возьми билет, на статуи глазей.
Нащупай шаг, привыкни, пристыдись.
Не жалуйся зрителю на жисть.
По леднику ступай, по леднику.
Посверкивая ножичком в боку.
Поигрывая в салочки с людьми.
Слова растут — ты с ложечки корми.
Молчанием, болезнью, суетой,
бескормицей и комнатой пустой.
И завистью без толку/без вины.
Слова не для тебя тебе даны.

Что будет, если я тебе скажу,
мол, катится сентябрь по этажу,
в капрон скрывая ласточки лодыжек?
Тепло уходит, мало ли нам бед,
зато приходит маленький сосед,
раскутывает маленькие лыжи.

Консьержка заменяет сухостой
на астры, в их строении простом
присутствует желание пробиться.
А я скорее бархатец. В дожди
я погибаю с легкостью в груди,
подобно миллионам чернобривцев.

Отставить меланхолию зовут
день города, день выборов, салют.
Оставим их для грусти разрешенной.
Что будет, если я тебе солгу,
мол, солнце не останется в долгу
и вытеплит ложбинку для влюбленных?

Приступ

Сначала шрифт пойдет курсивами,
а после сердце занырнет,
туда, где лыжники красивые
с ботинок отбивают лед.

И так румяно им и льдисто им,
и так морозно мне дышать,
что вспомню тени волокнистые
на Черноморской, 45.

Шелковицей давлюсь ли, смехом ли,
машинки ль собираю в ряд.
А лыжники твердят: «Поехали!»,
голубоГлазо так твердят.

Увижу очередь с авоськами,
водой из «вальтера» пальну.
Где детский парк «Ласкаво Просимо»
и почему нельзя вдохнуть?

Кто в дом принес котенка рыжего?
Кто ел до завтрака халву?

Как близко проскользили лыжами!
Я замерзаю.
Я живу.

Как искренне вдыхает человек
пар тонкорунных, временных акаций,
когда, тридцатилетен, робок, пег,
идет к прудам водою надыхаться.

Когда осознает, что он разбит
лебяжьим небом, говором синичьим,
и все, что он неслышимо хранит,
вторично, одинаково, вторично.

Вот он дрожал, вот обнимаем был,
вот тер лопатки синим полотенцем.
Все ждал, и ждал, и жаждал что есть сил
какого-то нездешнего сюжетца.

Какого-то прохладного огня,
какого-то необщего рисунка.
Но не нашел и вышел, полупьян
от августа, с собакой на прогулку.

Пойдет ли он за чипсами в «Фасоль»?
возьмет ли овощей (морковь, горошек)?
Он чувствует, что вымышлен и зол,
но ничего почувствовать не может.

Как искренне не жалко никого.
Купить ли замороженную клюкву?
Идет домой простое существо,
бестрепетно привязанное к буквам.

